Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

ОТКУДА НИГИЛИЗМЪ?

ИЗДАНІЕ
К. П. Побѣдоносцева.

Москва. - Синодальная Типографія.

6К

Дозволено цензурою. Москва. Марта 20-го дня 1904 г.

Откуда нигилизмъ?

I.

О какомъ нигилизмѣ идетъ рѣчь, теоретическомъ или практическомъ? Теоретическаго нигилизма нѣтъ. Все, что выдается за нигилистическое исповѣданіе, есть заемное умствованіе, готовыя положенія, въ сыромъ и отрывочномъ видѣ понадерганныя изъ книгъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, книгъ притомъ вышедшихъ изъ разныхъ школъ; Фейербахъ, Бюхнеръ, Лассаль, Контъ, Боккль, Дарвинъ, Секки,—вали все въ одну кучу! А Секки или Дарвинъ, даже Бюхнеръ, развѣ нигилисты? И между Секки и Бюхнеромъ развѣ есть какое-нибудь родство? Единственный русскій нигилистъ-теоретикъ былъ

Бакунинъ. Это голова систематическая, и то, что принадлежитъ, ему и принадлежитъ, и то, что прошло чрезъ его голову и вышло, вышло въ самостоятельномъ, переработанномъ, стройномъ видѣ. Но Бакунинъ не есть родоначальникъ нигилизма; велика ли, мала ли его школа, ее правильно будетъ назвать Бакунинскою, а не нигилистическою; Бакунинъ есть только одно изъ выраженій нигилизма.

Слѣдовательно, можно говорить только о практическомъ нигилизмѣ. Напрасно думать, что есть положительная вѣра нигилизма, укладывающаяся въ опредѣленный символъ. Предетавляется такъ, что ходитъ какой-нибудь апостолъ и проповѣдуетъ: „нѣтъ Бога, люди должны жить для своего счастья, а потому“ и проч. Вмѣсто апостола, изустно проповѣдующаго, поставимъ книгу: все равно. А этого-то нѣтъ и не было. Практическій нигилизмъ подкладываетъ себѣ теоретическія основанія, удовлетворяя потребности найти смыслъ. Иному бывшему нигилисту предетавляется, что когда онъ былъ въ нигилистическомъ станѣ, то началось съ признанія извѣстныхъ общихъ положеній; но если внимательно онъ изслѣдуетъ психологическую исторію своего обращенія въ секту, онъ убѣдится, что на дѣлѣ

происходило иначе; его двинули извѣстныя бытовыя *причины*, а не теоретическія *основанія*. Да таково бываетъ всякое обращеніе въ секту; таково всегда бываетъ самое происхожденіе сектъ. Сектантъ воображаетъ, что онъ вступилъ въ другое общество, потому что увѣровалъ его символу, тогда какъ, наоборотъ, онъ принялъ символъ потому, что присоединился къ обществу, а присоединился вслѣдствіе причинъ часто даже несознанныхъ. Ему оно по душѣ, потому что не по душѣ другое, въ которомъ онъ состоялъ. Этотъ отрицательный моментъ есть первое, съ чего нарождается секта и чѣмъ привлекается сектантъ; символъ, опознаваніе себя, систематизированіе своихъ отличительностей начинается впослѣдствіи.

Вотъ особенность нигилизма въ этомъ отношеніи: за теоретическими основаніями онъ побирается по чужимъ землямъ, и притомъ не разбирая происхожденія и не безпокоясь о томъ, что каждое изъ ученій, имъ облюбовываемыхъ, есть продуктъ своей соціальной и духовной исторіи; вотъ сукно, вотъ нанка, вотъ тафта, шей хоть бы и лоскутное платье, только чтобы не было пеньки. Не такъ поступалъ Лютеръ, не то видимъ въ старообрядцахъ, духоборцахъ, воз-

дыханцахъ, въ комъ хотите. Что слѣдуетъ изъ этого побирошества? Въ переводѣ на философскій языкъ это значитъ, что у нигилизма нѣтъ своихъ идеаловъ; короче сказать—нѣтъ вовсе идеаловъ, онъ желаетъ ими обзавестись, ищетъ ихъ, чувствуетъ потребность украсить себя смысломъ, подъ однимъ условіемъ, лишь бы то не были правила, которыми живетъ окружающее общество и которыя ему противны. А когда такъ, онъ есть патологическое явленіе, и притомъ въ обоихъ смыслахъ, общественномъ и личномъ. Въ общественномъ смыслѣ это есть непроизвольное изверженіе организма (извините за выраженіе), а въ личномъ—душевная болѣзнь, разладица нервовъ, болѣзнь притомъ не умственная, а нравственная, болѣзнь воли, съ которою умъ не справится и къ которой привело не извращенное мышленіе, а наоборотъ—которая разстраиваетъ мысль. Съ другой стороны, нигилизмъ есть показатель болѣзни самого общества: общество лишено духовнаго чадородія, не способно вдохновлять, дать матеріалъ для идеаловъ.

Это есть точка зрѣнія единственная, съ которой можетъ быть правильно обсуживаемъ нигилизмъ, напедшій себѣ крайнее выраженіе въ Бакунинѣ; въ Бакунинѣ разстройство воли дошло

до послѣдней точки, до бѣшенства, подчинивъ себѣ и умъ, точнѣе сказать—сопровождаясь ложнымъ сознаніемъ, которое въ сущности есть лишеніе сознанія, отреченіе отъ мысли. Долой все, общество, науку, вѣру, государство, искуство, все, все; разрушай, взрывай на воздухъ, чтобы ничего не осталось, а тамъ будь что будетъ; новое человѣчество устроится на новыхъ основахъ. Не правда ли, какъ это мило: мессіанская вѣра въ пустое мѣсто; отчаяніе, порывающееся все изгрызть и изорвать, а на счетъ дальнѣйшаго довольствующееся мистическимъ: „будетъ же что-нибудь!“ А что будетъ, и будетъ ли лучше, и изъ чего быть?

Всякій нигилистъ есть только не дойденный Бакунинъ. Творческаго, зиждительнаго—ничего; мысль отсутствующая, а воля озлобленная. Послѣднее обстоятельство самое существенное. Нигилизмъ есть возмущеніе воли русскаго человѣка. Возмущеніе противъ чего? Противъ строя общественнаго вообще, противъ дисциплины, противъ формы—скажу ближе. Разберемъ этотъ психическій процессъ; вѣдь, онъ у всѣхъ насъ на виду, у тѣхъ по крайней мѣрѣ, кто помнитъ сороковые годы и оттолѣ не переставалъ слѣдить за общественнымъ теченіемъ. Съ кого бы

начать? Ну, хотя бы со стриженыхъ барышень. Ей противно лицемѣріе семьи, ханжество отца, двуличіе матери, держащейся на людяхъ и въ гостиной такъ, а у себя и въ людской иначе; ей тошно видѣть себя обязанною выряживаться, танцовать, пѣть и бренчать, занимать гостей съ единственною цѣлью найти партію и потомъ повторять жизнь матери. Ей тяжела зависимость при этихъ условіяхъ. А она училась кое-чему. Подвертывается кстати молодой человѣкъ съ фразами о правахъ и трудѣ. „Хочу жить своимъ трудомъ! Хотя бѣдна, но независима и искренна. Прочь оковы, прочь приличія, долой лицемѣріе! Долой и косу; расческа ея отнимаетъ у труда время!“ А тамъ уже свободная любовь и далѣе всѣ послѣдствія разнузданной воли, которой однако надобно же оправдать себя, и для этого берутся книжки. Есть книжки такія, которыми все можно оправдать, даже убійство и отравленіе.

А вотъ семинаристъ, вотъ техникъ, вотъ студентъ университета. Общія мѣста богословскихъ учебниковъ, притертыя и приношенныя до утраты смысла, монашеская дисциплина съ аскетическимъ идеаломъ, которому однако сами проповѣдники не слѣдуютъ. Лицемѣріе, которое

однако угнетательно принуждаетъ слѣдовать своему примѣру. А здѣсь лицемѣріе другого рода: лицемѣріе патріотизма и гражданскихъ обязанностей, сопровождаемое низкопоклонствомъ и взяточничествомъ, продажею дочерниной и женипой чести сластолюбивому начальнику, торговля правосудіемъ, печать и слово стѣсненныя. Молодой человѣкъ перестаетъ всему вѣрить, на чемъ лежитъ оффиціальное клеймо, вездѣ предполагаетъ лицемѣріе и обманъ. А здѣсь кулачество съ угнетеннымъ крестьяниномъ на одной сторонѣ и Титомъ Титовичемъ на другой сторонѣ.

Между прочимъ обращаю вниманіе на это нарицательное Титъ Титычъ; такихъ много, и къ нему, напримѣръ, принадлежитъ Іудушка и „постное масло“. Стбитъ кому-нибудь не игнорировать религіи, онъ отзывается „постнымъ масломъ“, и приговоръ готовъ; а въ другой книгѣ или въ другой рѣчи слышится Титъ Титычъ и „сытый буржуа“. Молодой человѣкъ предполагаетъ въ окружающихъ сознательную ложь и обманъ, а если не ложь, то „слѣпоту, неотрѣпившуюся отъ предразсудковъ“.

Произнеся слово „предразсудокъ“, мы тронули исходную точку теоретическихъ построеній, слѣдующихъ за практическимъ недоволь-

ствомъ, точнѣе—исходную точку заимствованій нигилизма. „Если кругомъ предразсудокъ, то гдѣ же истина и гдѣ должный порядокъ?“

Вотъ начало нигилизма. Только слѣпой могъ не видѣть его роста. Бездушіе, лицемѣріе, царство формы, съ административнымъ и общественнымъ развратомъ,—вотъ откуда онъ отпрыснулъ. Итакъ, куда же дѣваться волѣ, честно возмущенной? На чемъ успокоится умъ, основательно недоумѣвающій? Какія формы и какая пища для нихъ припасена? Однимъ словомъ, гдѣ наука и гдѣ правильная свобода?

Возмущенная воля и растревоженный умъ не находятъ успокоенія и бросаются за границу, а тамъ есть также движеніе озлобленной воли и отрицающаго ума. То и другое тамъ назвало себя по имени: соціализмъ и матеріализмъ. Общежитіе поворачивается тамъ на оси, усматриваетъ источникъ рабства въ безусловной личной свободѣ, провозглашенной Адамомъ Смитомъ въ одной сферѣ, „великой революціей“—въ другой. Наука совершаетъ обычное отклоненіе по вѣчной эклиптикѣ, отъ идеализма къ матеріализму и наоборотъ; на сей разъ она движется въ матеріалистическую, сенсуалистическую, эмпирическую сторону. „Такъ вотъ она

гдѣ, истина!“ Отсюда—Фейербахъ и Бюхнеръ, Контъ, Лассаль и Маркесъ, и цѣлая серія естествоиспытателей. Но тамъ мыслители и изслѣдователи возбуждены не озлобленіемъ противъ общественнаго строя; озлобленный же пролетаріатъ не по наукѣ ненавидитъ поповъ, а потому, что они, наравнѣ съ буржуа, отнимаютъ у него хлѣбъ, и за это онъ винитъ саму религію, которой духовенство состоитъ проповѣдникомъ. Нашъ же озлобленный, присаживаясь въ братья къ пролетарію, вводитъ не справляясь въ родню къ себѣ и мыслителей. Если же знаменитый мыслитель слишкомъ ясно выражаетъ свое нежеланіе, его принуждаютъ. Секки *О единствѣ силъ* у насъ изданъ въ переводѣ. Переводчикъ выпустилъ изъ книги цѣлый трактатъ, объяснивъ откровенно, что урѣзанныя страницы написаны знаменитымъ авторомъ не по убѣжденію, а по неволѣ: онъ-де аббатъ и долженъ притвориться вѣрующимъ. Мы не стѣсняемся объявлять, что кроется въ душѣ другого, и притомъ безъ позволенія отъ самого автора. Говорятъ, и Гельмгольцъ изданъ съ такими сокращеніями. Нигилистъ, исходя изъ лицемѣрія, усматриваемаго въ отечествѣ, не допускаетъ, чтобы кто-нибудь искренно вѣрилъ въ бытіе Божіе, а если кто

вѣритъ, то по жалкому-де предразсудку. Умы же, какъ Секки и Гельмгольцъ, не могутъ-де быть рабами предразсудковъ.

А міръ-то только и живетъ предразсудками. Когда было мнѣ еще семнадцать лѣтъ, я писалъ сочиненіе на тему: Num dantur repraesentationes obscurae? (Есть ли темныя представленія?) Я отвѣчалъ, что другихъ представленій кромѣ темныхъ даже не существуетъ. Чѣмъ долѣе я жилъ и чѣмъ болѣе изучалъ философію и исторію, тѣмъ болѣе убѣждался въ этой истинѣ и убѣжденъ въ ней доселѣ. Міръ только и живетъ предразсудками, только ими и держится. Разница въ степени. Предразсудкомъ въ логикѣ называется „сужденіе принятое безъ достаточнаго основанія“. Вотъ въ этой-то достаточности и дѣло; у одного она дальше, у другого ближе, у иного совсѣмъ нѣтъ,. полной достаточности ни у кого. Русскій языкъ обладаетъ однимъ геніальнымъ словцомъ: „такъ“. Почему это думаешь? Для чего ты это дѣлаешь? Да *такъ*. Все человѣчество и живетъ и полагаетъ что-нибудь *такъ*. Вырываются единицы, начинаютъ анализировать которое-нибудь частное *такъ*, раскрываютъ его невѣрность, несообразность, подставляютъ вмѣсто *такъ* основаніе или отвер-

гаютъ совѣмъ мнѣніе или обычай, подпирающіеся голымъ *такъ*; но пока онѣ углубляются или разсуждаютъ, ихъ обдаетъ волна впечатлѣній семейныхъ, общественныхъ, историческихъ преданій, впечатлѣніе вкуснаго обѣда, дурной игры актера, вѣтреной погоды, клоповъ, кусавшихъ всю ночь. Въ итогѣ получается призрачная основательность и даже призрачное сознаніе. Новое мнѣніе принимаютъ или отвергаютъ, и самъ его авторъ усвоилъ его въ сущности *такъ*, ступенью дальше, ступенью ближе къ основательности. Да не повторяется ли тотъ же процессъ съ каждымъ мыслителемъ, каждый писатель не можетъ ли провѣрить его на себѣ? Найдите хоть одного писателя, хоть одинъ трактатъ, гдѣ бы выводы были точнымъ воспроизведеніемъ процесса, происходившаго въ душѣ писателя? Никакъ; внутренній процессъ шелъ совѣмъ другимъ порядкомъ, нежели является въ книгѣ или рѣчи. Исключеніе представятъ развѣ только статистическіе выводы, и то если они ограничиваются цифирными итогами. А выводы дальнѣйшіе,—тутъ уже начинается обманъ: изслѣдователь обманываетъ читателя и самъ себя обманываетъ, воображая, что онъ слѣдуетъ только цифрамъ. Не вѣрьте, цифры помогаютъ, и вы-

водъ напросился помимо цифръ еще по многимъ основаніямъ, лежащимъ въ сферѣ темныхъ представленій.

Записки доктора Крупова—въ извѣстномъ отношеніи геніальное произведеніе. Подчиниться обычаю не сумасшествіе ли? Вотъ чиновникъ гнетъ спину, чтобы получить орденъ, развѣ не сумасшедшій? Помнится, этотъ примѣръ въ числѣ другихъ выставленъ Герценомъ. Впрочемъ черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ немудрено и забыть: но общая-то мысль такова, и она геніально вѣрна. Дѣйствительно, подличающій изъ-за ордена человѣкъ есть сумасшедшій. Но и всѣ на свѣтѣ сумасшедшіе. Поверни Герценъ зрительную трубу въ другую сторону, онъ увидалъ бы и себя сумасшедшимъ и всю свою дѣятельность и самую эту статью сумасшествіемъ. Потому, что у каждаго окажется своя вѣра и свой обычай. Въ здравомъ умѣ останется только идіотъ, котораго умъ ограничивается наблюденіемъ за удовлетвореніемъ потребностей растительной жизни. А чуть выступи далѣе, сейчасъ можно встрѣтить его такой діалектикой, что окажется онъ свихнувшимъ съ ума, свихнувшимъ именно потому, что пересталъ быть только растеніемъ и животнымъ. Не глупо ли въ самомъ дѣлѣ придумывать еще

какія-то высшія потребности и портить аппетитъ? Человѣкъ высшихъ интересовъ вообще есть сумасшедшій, а по доктору Крупову съ ума сошелъ и тотъ, кто слѣдуетъ обычаю и въ обычаѣ находитъ идеалъ. Но всякій идеалъ есть тоже сумасшествіе; ибо гдѣ норма здравомыслія? Безспорная норма и возможна только въ ограниченіи себя растительною жизнію. Да здравствуетъ человѣчество, довольствующееся призваніемъ свиньи и осла!

Съ точки зрѣнія дикаря, Европеецъ часто сумасшедшій; съ точки зрѣнія Крупова, чиновникъ съ ума сходитъ, а чиновникъ въ Круповѣ видитъ сумасшедшаго. Нормы-то безусловной, оказывается, нѣтъ. Есть лица, живущія растительною и животною жизнію, и есть лица, изъ нея выступающія. Милліоны живутъ обычаемъ, сотни, тысячи имъ тяготятся, сбрасываютъ его и осуждаютъ, принимая новый обычай же; милліоны пробавляются ходячими понятіями, вѣрованіями, сужденіями, не провѣряя ихъ и только усвоивая и переставливая ихъ между собой, а единицы подходятъ съ анализомъ и разбиваютъ существующій предразсудокъ, замѣняя его другимъ предразсудкомъ же, хотя, можетъ-быть, менѣе произвольнымъ. Для будущихъ новый предразсудокъ

будетъ такимъ же вѣрованіемъ, обычаемъ, слѣпымъ, какъ былъ вчерашній.

Веду къ тому рѣчь, что если болѣзнь, именуемую нигилизмомъ, разсматривать какъ общественный, а не личный припадокъ, то существо его окажется въ чрезмѣрномъ, а отсюда самоубійственномъ возстаніи противъ предразсудковъ; онъ обращается въ самопожирательный процессъ, въ призракъ, въ ложь, ложь въ квадратѣ. Обратили ль вы вниманіе, что нигилистамъ противны обыкновенныя ласкательныя имена и даже общепринятыя вѣжливыя обращенія? Рожа, Ванька, а не лицо или Иванъ. Лицо и Иванъ будутъ уступкою приличію, пошлому, притомъ неискреннему обычаю. А рожа, видите, будетъ не пошлымъ и искреннимъ! Въ сущности между тѣмъ все повторенное есть уже пошлость, форма и, слѣдовательно, приличіе. Глубоко поэтому несчастіе нигилизма. Задача его, если вмыслиться въ нее, похожа на задачу данную портному: сшей платье такъ, чтобы, надѣвъ его, ходить нагишемъ. Міръ лежитъ въ предразсудкахъ, общежитіе держится обычаемъ. и ходячими понятіями, хранящимися между прочимъ въ языкѣ и въ преданіяхъ литературы и жизни. Помимо понятій принятыхъ на вѣру, какъ помимо языка,

не можетъ быть общежитія, а съ нимъ и всѣхъ успѣховъ человѣчества. Сказать: „долой всѣ предразсудки“ значитъ сказать—долой общежитіе, долой самый языкъ, ибо языкъ есть одинъ изъ величайшихъ предразсудковъ, носящій въ себѣ понятія, частію не провѣренныя, частію отжитыя. Предразсудки и обычаи разрушаются, замѣняясь новыми, и въ этомъ состоитъ преуспѣяніе человѣчества. Но разрушеніе однихъ, принятіе другихъ совершается постепенно и частично. Кинуть всѣ предразсудки и всѣ обычаи можно только обратясь въ четвероногихъ: прогрессъ не великъ. Все человѣчество даннаго момента лишь на малѣйшую долю живетъ въ своеобычіи и своемысліи, и то на половину кажущихся: то и другое есть только видоизмѣненное преданіе, но и видоизмѣняетъ только изъ милліона одинъ; остальные несутъ обычай, вѣрованіе, языкъ, ходячія мнѣнія, сращиваясь съ ними, полагая и ощущая въ нихъ жизнь. Даже выскочки человѣчества живутъ тою же общею жизнію. Контъ, воображаю, былъ обыкновенный буржуа, Бюхнеръ—пошлый бюргеръ и Дарвинъ несомнѣнно джентльменъ. Два дѣятеля, даже прямо проповѣдавшіе общественное переустройство, Лассаль и Марксъ, не выходили изъ легальныхъ. Таково

естественное развитіе; они всѣ плоды или цвѣты дерева, отъ котораго и не отдѣляются, живя съ нимъ общею жизнію и питаясь общими соками. Ихъ мнѣнія оказываютъ воздѣйствіе на часть общества, часть общества соглашается съ ними, и подъ совокупнымъ давленіемъ силъ общество перерождается въ ту ли сторону, въ которую зовутъ Лассаль и Бюхнеръ, или, можетъ-быть, даже въ обратную, но перерожденіе совершается среди данныхъ формъ, обычаевъ, вѣрованій, предразсудковъ. Радикальнѣйшее мнѣніе остается мнѣніемъ единицъ или десятковъ, не нарушая теченія общественной жизни и не нарушая жизни самихъ этихъ десятковъ, пока новая идея не проникнетъ массу, не станетъ общимъ ея достояніемъ, въ видѣ предразсудка же, принятаго по кажущимся основаніямъ или изъ уваженія къ авторитету, иногда опять только кажущемуся, но въ сущности подъ давленіемъ давно назрѣвавшихъ бытовыхъ причинъ. Гдѣ развитіе идетъ правильно, тамъ перерожденіе совершается тихо, старыя формы отпадаютъ одна за другою даже незамѣтно. Въ другихъ совершается бурно, и общество затѣмъ мучится судорогами. Таковы судороги во Франціи. Принципы Французской революціи были провозглашены, былъ даже про-

возглашенъ атеизмъ, но вѣрующихъ католиковъ доселѣ тамъ, можетъ-быть, больше даже, нежели гдѣ-нибудь, и понятіе „о правахъ человѣка“ только на языкѣ у буржуа, а не въ сердцѣ, тѣмъ меньше въ практикѣ.

Нахожу излишнимъ объяснять, что безпощадная послѣдовательность нигилиста оказывается уродливою непослѣдовательностью, когда онъ береть мнѣнія европейскихъ радикаловъ, расторгая союзъ съ обществомъ, чего западные родоначальники его не дѣлаютъ. Положеніе, на которое осуждаетъ себя нигилизмъ и на которое въ отношеніи къ себѣ вызываетъ сограждан, заслуживаетъ особаго разсужденія; но стоитъ здѣсь упомянуть о соціальной причинѣ, которая содѣйствуетъ озлобленію воли, а подъ его вліяніемъ и увлеченію ума. Смотритъ человѣкъ и разсуждаетъ. Гдѣ наши идеалы? Гдѣ отечественные подвиги, которые бы вдохновили потомство? Гдѣ ученая дѣятельность, обаяніе которой привлекало бы молодыя силы къ участію и продолженію въ общемъ направленіи? Личная предпріимчивость, свободный полетъ въ какой бы то ни было сферѣ развѣ встрѣчаютъ у насъ просторъ и поддержку? Истинное достоинство развѣ пользуется почтеніемъ и можетъ надѣяться,

что будетъ признано? Не ничтожества ли, посредственности и интриганы у насъ въ авантажѣ? Развратъ развѣ не царитъ? Вся общественная сила, весь авторитетъ не перешелъ ли къ деньгамъ? Къ высшимъ интересамъ развѣ не глухо большинство? Форма не преобладаетъ ли надъ сущностью? Уродливый самъ въ себѣ нигилизмъ оказывается послѣ того законнымъ исчадіемъ общества невѣрующаго, развратнаго, раболѣпнаго, равнодушнаго ко всему, кромѣ кармана и животной похоти. Естественно и то, что нигилизмъ родится и плодится именно въ среднемъ слоѣ общества,—тамъ, гдѣ вырабатываются и раскрываются идеалы, въ слоѣ, который долженъ быть носителемъ просвѣщенія.

Родители винятъ школу, а мы помнимъ, нѣсколько лѣтъ назадъ министерскій циркуляръ винилъ родителей. Тотъ и другой дѣятель виносятъ свою долю участія, потому что худосочіе-то обоюдное, точнѣе сказать—общее, и не дивитесь, что сынокъ за книжкой или листкомъ, со свѣжими, какъ кажется ему, мыслями отдыхаетъ и отъ школьной ферулы, и отъ семейнаго карточнаго стола, которые кажутся ему одинаково скучными. Въ добавокъ, напрасно думать, что одно усиленіе дисциплины вдохнетъ новую

жизнь въ школу, а поощреніе развратной апатіи общества къ высшимъ интересамъ воспитаетъ добрыхъ гражданъ. На такой-то почвѣ и расти нигилизму.

II.

Иной читатель смутится и спроситъ: „послѣ того и вѣра и Богъ будутъ предразсудки?—А спросите того читателя: „а размышлялъ онъ о вѣрѣ и Богѣ? Нѣтъ? Тогда они въ немъ дѣйствительно предразсудокъ“.

Иной можетъ возразить: „есть истины безусловныя, напримѣръ, математическія“.—Но математическія истины обнимаютъ міръ внѣшнихъ явленій, о самомъ бытіи котораго возможно сомнѣніе; опираются на эмпирическую достовѣрность, о которой позволительно спросить: да еще реальна ли она, не призракъ ли?“ Споръ объ этомъ возможенъ и бывалъ поднятъ. „Чувственная достовѣрность есть неоправданное предположеніе“: это не мной сказано.

Въ чемъ собственно недоумѣніе? Я сказалъ, что теоретическія построенія (точнѣе—заимствованія) нигилизма исходятъ изъ желанія быть внѣ предразсудковъ, и утверждаю, что желаніе это

самоубійственно, потому что нѣтъ мнѣнія и обычая, которые бы подъ аналитическимъ ножемъ не оказались предразсудкомъ. Мнѣ возражаютъ. Что же хотятъ сказать? Что желаніе нигилизма правильно, только онъ не умѣетъ отличить истину отъ предразсудка? Въ такомъ случаѣ возражающіе стоятъ на той покатости, откуда и идетъ прямая дорога въ нигилизмъ.

Есть безусловныя истины? Конечно есть, по крайней мѣрѣ предполагаются, потому что есть стремленіе къ истинѣ, на которомъ основывается весь процессъ знанія. Но когда говорится объ истинѣ не самой въ себѣ, а объ истинѣ познаваемой, то о каждомъ признанномъ положеніи возможенъ вопросъ: почему? И не только возможенъ, но онъ неизбѣжно требуется разсудкомъ. А отыскивая *почему?* непремѣнно придешь къ стѣнѣ или будешь ходить кругомъ, приходя на то же мѣсто, повторяя бѣлку въ колесѣ: „Да такъ, какъ же иначе, по вашему глазамъ не вѣрить, по вашему дважды два будетъ пять?!“ Это отвѣтъ не философскій; но и философски образованный пойдетъ не далѣе того, сославшись на чувственную достовѣрность или на логическіе законы. И всетаки вопросъ останется: да такъ ли и почему такъ? и пошла сказка про бѣлаго бычка.

Стало-быть, нечего толковать о безусловныхъ истинахъ; при каждомъ утвердительномъ и отрицательномъ шагѣ мысли предполагается свое „если“; для разсудка каждая истина условна. Нѣкоторыя изъ истинъ, полагаемыхъ безусловными, правильнѣе было бы назвать „невольными“, но тогда нужно будетъ подступить къ вопросу съ другой стороны.—Мы разсматриваемъ предразсудокъ съ логической стороны; на этой почвѣ вопросъ поставленъ, и съ этой-то точки зрѣнія не окажется ни одного мнѣнія, ни одного обычая съ основаніемъ, отъ котораго бы не потребовалось дальнѣйшаго основанія; другими словами, не окажется ни одного мнѣнія и обычая безъ предразсудка.

Обращусь къ возраженію, стоящему на психологической почвѣ. Въ сущности и ссылка на безусловныя истины не чужда психологической причины. Но яснѣе обозначается и откровеннѣе выражается психологическое побужденіе въ боязни, какъ бы съ признаніемъ неизбѣжности предразсудковъ не вывалилась святыня и не разбилась. Въ этомъ, какъ я уже сказалъ, не святыня будетъ виновата, а тотъ, кто ее держитъ. Но чтобы успокоить простодушныхъ, поясню, что предразсудокъ еще не есть ложь;

напротивъ, величайшіе изъ предразсудковъ иногда таятъ величайшія истины. Предразсудокъ, какъ сказано, есть „сужденіе, принятое безъ достаточнаго основанія“. А сужденіе, принятое безъ достаточнаго основанія, не всегда бываетъ само въ себѣ даже неосновательнымъ, тѣмъ менѣе ложнымъ. Боязнь предразсудка сама есть предразсудокъ, и я просилъ бы читателя, нерасположеннаго къ предразсудкамъ, прежде всего отрѣшиться отъ этого предразсудка относительно предразсудковъ.

Произнесите въ самомъ дѣлѣ: „предположеніе“, „предубѣжденіе“, „предрасположеніе“, „предвзятая мысль“; это ничего, это терпимо. Но при словѣ „предразсудокъ“ морщатся, вспоминаютъ, что переносица чешется къ покойнику, а правый глазъ къ слезамъ, и является опасеніе быть обвиненнымъ въ заблужденіи и глупости. Прямо „безразсудная“ мысль извинительнѣе предразсудка, какъ менѣе стыдно быть уличеннымъ въ „фанатизмѣ“, нежели въ „суевѣріи“. Не предразсудокъ это? Да, предразсудокъ, и нужно его разобрать. Предположеніе, предубѣжденіе, предрасположеніе, предвзятая мысль, безразсудство, фанатизмъ могутъ быть самостоятельными душевными проявленіями; въ предразсудкѣ

же подразумѣвается не только произволъ мнѣнія, но и заимствованіе; предразсудокъ—мнѣнія и обычаи ходячіе и большею частію унаслѣдованные. Вотъ гдѣ его больное мѣсто, и вотъ чего боятся главнымъ образомъ. Развѣ это не предразсудокъ? Нѣтъ, даже болѣе того: это есть заблужденіе. „Глупо и постыдно слѣдовать примѣру другихъ; каждый имѣетъ свой разсудокъ и волю“. Въ сущности это есть правильное стремленіе личности къ эманципаціи, требованіе разумности и свободы отъ своихъ мыслей и дѣйствій. Но личное умствованіе развѣ непремѣнно разумно, и личная угода развѣ есть свобода?

Личная угода! Да личное желаніе есть ли еще *мое* желаніе? Сегодня оно такое, завтра противоположное, прогулка по Кремлю возбуждаетъ одно, обѣдъ въ Славянскомъ Базарѣ другое, видъ Рафаэлевой Мадонны и чтеніе Нана даютъ совсѣмъ разныя побужденія. Что же будетъ *мое?* И то и другое и третье? Тогда не о чемъ хлопотать, предоставь себя вѣтру случая; но тогда чужой примѣръ и авторитетъ величины равносильныя прогулкѣ или чтенію книги.

Личное умствованіе... но гдѣ его опора? Что *я?* Самъ я—пылинка въ вихрѣ квинтилліона

другихъ крутящихся пылинокъ, и хоботокъ мой, которымъ я щупаю міръ, тоньше острія булавочной головки! Что я успѣю наблюсти, и гдѣ ручательство, что наблюдаемое поставлено подъ правильное освѣщеніе? Оставленная одной себѣ, личность должна была бы каждый разъ начинать весь опытъ человѣчества сызнова, съ тѣмъ въ добавокъ, чтобы не придти ни къ какому утвердительному заключенію. Не болѣе того получу я, если при неизбѣжности чужого опыта, рѣшился принимать чужое только послѣ критическаго анализа. Критика потребуетъ основаній; опять безконечная работа исканія и сличенія, и въ результатѣ, если остановлюсь на чемъ-нибудь, это будетъ произволъ.

Повторяю: ложь, а вмѣстѣ и безнравственность нигилизма не въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ предразсудками гонитъ какія-то безусловныя истины, а въ томъ, что предполагаетъ возможнымъ существованіе человѣчества безъ предразсудковъ и устройство его возможнымъ на фундаментѣ умствованій; что въ умствованіи видитъ законодателя жизни и источникъ истины; что стоитъ (самъ того довольно не разумѣя впрочемъ) на почвѣ раціонализма, котораго онъ есть прямой наслѣдникъ.

У меня былъ одинъ, сперва учитель, потомъ сослуживецъ, потомъ подчиненный. Онъ былъ профессоромъ семинаріи. Разъ я у него обѣдаю; единственный сынъ его, мальчикъ лѣтъ 13, опоздалъ къ назначенному часу, и между нимъ и родителемъ завязывается слѣдующій разговоръ.

—Отчего ты запоздалъ?

—Товарищъ задержалъ.

—Но ты ушелъ безъ спроса. Хорошо ли это?

—Нѣтъ, потому что дѣти обязаны спрашивать позволенія родителей.

—Почему?

—Потому что разумъ ихъ еще не въ состояніи судить о полезномъ и вредномъ. Родители опытнѣе и дадутъ правильное указаніе.

—И кромѣ того что?

—Они любятъ дѣтей и не посовѣтуютъ имъ дурного.

—Изъ чего это видно?

—Такъ велитъ Богъ и...

—Ну!

—И... природа.

—Теперь садись, кушай.

Вотъ образчикъ „раціональныхъ“, какъ вѣроятно воображалъ мой пріятель, правилъ жизни. Онъ не хотѣлъ, чтобы сыновнее послушаніе

оставалось у его Сережи на степени предразсудка. Слыхивали мы такую же мораль и въ старыхъ комедіяхъ отъ Стародумовъ и Милоновъ. Образованное большинство выросло теперь настолько, что понимаетъ донкихотство подобныхъ нравоученій; но не всѣ доросли до пониманія, что теорическое построеніе правилъ общежитія вообще есть такая же рацея Стародумова. Читаю я „великія“ начала „великой“ революціи—„Провозглашенія правъ человѣка“ (Déclaration des droits de l'homme), и думаю про себя: Стародумъ! Просматриваю соціалистскія построенія гадаемаго порядка, и вижу: Милонъ. Припомните реторическую фигуру единоначатія, которою пунктъ за пунктомъ провозглашаются „права человѣка“: „Каждый человѣкъ имѣетъ право...“ Каждый человѣкъ? Полинезіецъ съ Европейцемъ одинаково? И съ котораго возраста? Л. Н. Толстой, помнится, въ Ясно-полянской школѣ готовъ былъ признать безусловное право пятилѣтняго ребенка. Вся шумиха „Деклараціи“ имѣла смыслъ лишь въ размѣрахъ намека на феодальныя отношенія. И теперешнія анархическія проповѣди имѣютъ смыслъ лишь въ размѣрѣ ближайшаго отношенія къ порабощенію живыхъ лицъ бездушною силою машинъ

и капитала; всякое дальнѣйшее обобщеніе есть произволъ и даже безсмыслица. Общежитіе идетъ, не заботясь о рацеяхъ, которыя ему читаютъ. Оно не полкъ, дающій себя муштровать воинскимъ артикуломъ, хотя коммунитскій строй и приходитъ къ этому идеалу. Но даже воинскіе артикулы показали при Іенѣ, къ чему ведутъ подробные теорическіе регламенты. Ужъ какъ, кажется, все предвидѣла и раціонально придумала Фридриховская тактическая система: поворотъ ноги, руки, головы, все было исчислено, на все преподано правило! И эту педантическую армію перестрѣляли, какъ стадо барановъ. Сломите данный порядокъ на основаніи вашихъ силлогизмовъ: вы его разстроите, но блага не создадите, напротивъ, посѣете линіи страданія. Химія учитъ, что чистый элементъ, вмѣшиваемый въ органическое тѣло, убиваетъ его. Амміакъ нуженъ растенію; но подпустите къ корню чистый амміакъ, растеніе погибнетъ: то же и умозрительныя правила для жизни органическихъ обществъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ одной стороны, гдѣ умствующій разсудокъ воображаетъ держать скипетръ надъ сложившимся порядкомъ жизни, и

гдѣ онъ разбивается объ стѣну предразсудковъ, на которыхъ почіетъ обычай. Прослѣдимъ за нимъ въ другой области, гдѣ онъ не повелѣваетъ, а поучается. Естествоиспытатели возятся съ микроскопомъ и находятъ микробовъ, астрономы на обсерваторіяхъ присаживаются къ телескопамъ и открываютъ каналы на Марсѣ, физикъ на основаніи высшей математики вычисляетъ отношеніе тепла, свѣта, электричества, магнетизма и доходитъ до эоира. Трудитесь, господа, по сущности вы не открываете. Вы указываете новыя явленія и ихъ чередованіе, но гдѣ начало, гдѣ высшій законъ, гдѣ начало началъ? Поднимаются философы. Сколько ихъ, и съ какихъ временъ долбятъ они каждый по своему: матеріалисты и идеалисты, скептики и реалисты, деисты, пантеисты, атеисты. Пропасть ума, сила мысли поразительная. Читалъ ли ихъ скороспѣлый мыслитель? Разумѣется, не читалъ, но когда-бъ прочелъ безъ предвзятой мысли, отрѣшившись отъ предположеній, онъ увидалъ бы себя въ судебной залѣ, гдѣ талантливый защитникъ борется съ не менѣе талантливымъ обвинителемъ. Сила доводовъ одного увлекаетъ, пока не слушаешь другого. На основаніи чего же вы, присяжный, прослушавши въ исторіи

препирательство философской мысли, придете къ опредѣленному убѣжденію? На основаніи формальной силы доказательствъ? Нѣтъ, въ васъ восторжествуетъ предрасположеніе, уже засѣвшее въ вашей душѣ, не смотря на всѣ ваши старанія быть безпристрастнымъ; восторжествуетъ не законъ разумной послѣдовательности, а, такъ называемая, женская логика, въ отвѣтъ на логическія убѣжденія отвѣчающая: „еще бы тебѣ домъ купить!“, хотя ни о домѣ, ни о куплѣ не было рѣчи, и у собесѣдника не было никакихъ помышленій. Но поверхъ логической діалектики собесѣдница читаетъ тайныя самому собесѣднику побужденія, можетъ быть, ошибаясь, можетъ быть, угадывая. Во всякомъ случаѣ она права тѣмъ, что не довѣряетъ діалектикѣ собесѣдника, хотя онъ самъ искренно убѣжденъ. И все движеніе науки таково. Адвокатъ искуственно строитъ защиту положенія, въ которомъ не убѣжденъ: одно умалчиваетъ, другое раздуваетъ завѣдомо; но тысячи мыслителей совершаютъ ту же операцію добросовѣстно. Законъ борьбы за существованіе и перерожденія видовъ могъ ли появиться гдѣ-нибудь, кромѣ Великобританіи? Но Дарвинъ, внѣ сомнѣнія, добросовѣстнѣйшимъ образомъ идеализовалъ бытъ своего отечества,

накинувъ его на весь міръ и на все животное царство, установивъ и стекло свое такъ, чтобы видѣть только явленія, идущія къ предвзятой мысли, самому недовѣдомой.

Итакъ, раздѣлаться съ предразсудкомъ— мечта. Онъ вамъ не поддастся, когда вы захотите его сломить; онъ васъ караулитъ и овладѣетъ вами, когда вы думаете отъ него уберечься. Поэтому, когда то или другое правило житейское или мнѣніе оказывается даннымъ и усвоеннымъ прежде и помимо разсужденія, его не слѣдуетъ бросать за то одно, что оно не представило за себя основанія; можетъ-быть, у него и есть очень умное основаніе, но не умѣетъ сказать о себѣ, или было, но забыто, застыло въ обычаѣ. Ученые смѣются и негодуютъ на мнѣнія хозяевъ о вліяніи фазъ луны на погоду, а хозяева увѣряютъ, что ихъ мнѣніе вѣрно; почему знать, можетъ быть и есть какая-нибудь недовѣданная связь. Я не рѣшусь съ полною увѣренностью отвергать даже примѣту о переносицѣ, предвѣщающей покойника; я этого повѣрья не раздѣляю, но объ закладъ не буду биться, чтобы когда-нибудь и въ этомъ нелѣпомъ съ виду сопоставленіи не открыли болѣе живой связи, хотя и естественнѣе всего предположить, что запахъ

отъ покойника далъ начало этому предразсудку, переходящему въ суевѣріе. Противъ мнѣній и обычаевъ, не заявляющихъ о своей разумности, особенно ожесточаться неразумно уже потому наконецъ, что новое мнѣніе или правило, которое я усвою, будетъ произволъ, основанный, вблизи или вдали, тоже на предразсудкѣ, хотя и закутанномъ въ діалектику. Я унаслѣдовалъ мнѣніе и обычай. Малую часть ихъ и въ малой степени провѣрилъ, по милости случая, натолкнувшаго на то и другое, и пробудившаго мое сомнѣніе. Иное я и бросилъ, находя ложнымъ или вреднымъ. Но сколько бы я ни изслѣдовалъ, ни углублялся, я всегда начиналъ съ полдороги и остановился на полдорогѣ. Масса мнѣній и понятій, масса правилъ и привычекъ не мнѣ принадлежатъ, а я имъ; я въ нихъ выросъ, и не только въ нихъ, но ими выросъ, и расти далѣе, да не только расти, но жить вообще, могу только при нихъ и черезъ нихъ. „Почитайте родителей, родители заботьтесь о дѣтяхъ“. Нигилистъ находитъ это предразсудкомъ, и онъ его отвергаетъ; ему мечтается всечеловѣческая коммуна въ родѣ древней Спарты, съ дѣтьми, принадлежащими не семьѣ, а государству. И дѣйствительно, любовь дѣтей къ родителямъ дана

прежде и помимо всякаго разсужденія. Ужъ не вразумлять ли нигилиста по способу моего пріятеля? Берегитесь, ловкій діалектикъ побьетъ васъ. „Да и Богъ,—скажетъ вамъ нигилистъ далѣе, повторяя глумленіе, еще въ XVII вѣкѣ произнесенное,—это есть выдумка поповъ съ цѣлію эксплуатировать невѣжество“. И почіетъ ли на Бюхнерѣ и Молеттѣ или идетъ далѣе, онъ прибавитъ, что нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и кромѣ случая. И вы пойдете противъ него съ доказательствами бытія Божія, повторите силлогизмъ Ансельма? Но вы станете на почву, гдѣ противнику бить васъ всего удобнѣе. Нѣтъ, если бить его, то надобно заходить къ нему съ тыла; задъ у него не прикрытъ. Чего трусить, что религіозная вѣра дана прежде разсужденій; а на чемъ его вѣра? Если жрецы религію выдумали изъ корысти, то Бюхнеръ проповѣдывалъ матерію безъ силы для гонорара. Если дѣти должны быть членами не семьи, а государства, то почему не наоборотъ? Доводы въ пользу одного мнѣнія будутъ стоить доводовъ въ пользу другого, и споръ будетъ безконеченъ, пока не надоѣстъ одному изъ спорящихъ или не дохватитъ у него находчивости. А сущность разномыслія останется всетаки въ томъ, что одинъ держится

мнѣнія унаслѣдованнаго, другой самостоятельно заимствованнаго.

Но всякое унаслѣдованное мнѣніе и въ особенности обычай имѣютъ за себя уже то, что они *есть*. Въ этомъ ихъ если не истина, то право: они, какъ отвѣтчикъ, дожидаются, чтобы истецъ не только уличилъ ихъ въ отсутствіи документовъ на владѣніе, но представилъ свои, подлинные и неопровержимые, изъ которыхъ видно, что другого наслѣдника не только нѣтъ, но и быть не можетъ. Образованный человѣкъ отвергнетъ миѳическое объясненіе небесныхъ явленій Зевсомъ громовержцемъ или Иліею пророкомъ; онъ знаетъ, что хотя въ меньшихъ размѣрахъ, но можно произвести подлинный громъ и молнію, не обязывая ни Зевса, ни Илью пророка разъѣзжать по небу. А когда того же явленія мнѣ искуственно не воспроизведутъ, всѣ новыя объясненія—догадка. Кромѣ искуственной мочи химія, кажется, еще не успѣла произвести ничего органическаго. Не велика находка, особенно когда и неорганическая химія, столь точная во всякомъ случаѣ, построена на нелѣпости; атомистическая теорія есть нелѣпость для разсудка, спорить противъ этого невозможно. Гдѣ же послѣ того основаніе принимать ино-

тезы о происхожденіи міра и человѣка, построенныя всетаки на химіи и механикѣ, и имъ предпочесть вѣрованіе, отъ тысячелѣтій унаслѣдованное, можетъ-быть, даже прирожденное?

Я сказалъ *можетъ-быть* прирожденное, потому что отыскиваютъ теперь въ человѣчествѣ жалкіе виды, совсѣмъ лишенные религіи. Положимъ, въ точности самихъ этихъ наблюденій можно усомниться; теперешнее матеріалистически направленное мышленіе человѣчества усматриваетъ и отыскиваетъ, вольно и невольно, такія явленія, которымъ при другомъ направленіи отыскались бы совсѣмъ противныя, или которыя сами были бы истолкованы иначе. Да кромѣ того, наслѣдственное отсутствіе религіи еще ничего не доказываетъ; сперва надобно доказать, что всякое дикое состояніе племени есть первобытное зерно, изъ котораго развилось культурное; а можно разсуждать и наоборотъ, и привести факты, что послѣ культуры племена дичаютъ и впадаютъ въ животное состояніе. Однако оставляю все это и соглашаюсь усомниться въ прирожденности религіозныхъ началъ. Но истецъ съ своею матеріалистическою теоріею, какъ угодно, слабѣе отвѣтчика теиста, предъявляющаго вѣрованіе, котораго держатся

современные милліоны и котораго начало теряется въ такой глубинѣ тысячелѣтій, что позволителенъ вопросъ: да было ли еще ему начало?

Мнѣ укажутъ, пожалуй, опять на точныя науки и возразятъ: можно ли сравнивать повѣрья съ физическими или астрономическими открытіями? Въ томъ-то и дѣло, что не надобно сравнивать. Я стою на томъ все-таки, что сложеніе провѣряется вычитаніемъ и обратно. Когда затменіе наступило въ назначенный день, часъ и минуту, я удостовѣряюсь въ астрономіи; но пока не создадутъ искуственнаго человѣка и не воспроизведутъ также искуственно второго мірозданія, тогда всякая теорія о началѣ началъ есть произволъ. Въ Англіи и Америкѣ жить лучше, нежели въ Персіи, это я знаю и вижу, но чтобы лучше было въ фаланстерѣ и коммунѣ, это пока мечта или даже бредъ. Затѣмъ и всякое точное знаніе точно только относительно. Помимо нелѣпости, которая однако необходима для объясненія химическихъ явленій, есть, говорятъ, въ чистой математикѣ теорія мнимыхъ величинъ, также нелѣпая, но неизбѣжная для рѣшенія задачъ. Не указываетъ ли это на очень ограниченные предѣлы, въ которыхъ доступенъ міръ знанію? что самый инструментъ,

называемый разсудкомъ, несовершенепъ и неточенъ? Лошадь не знаетъ цвѣтовъ, кромѣ бѣлаго и чернаго; древній грекъ не зналъ голубого цвѣта. Съ другой стороны, математика же говоритъ о возможности четвертаго измѣренія. Да и почему ему быть невозможнымъ? До микроскопа міръ не зналъ инфузорій, и существованіе ихъ показалось бы нелѣпостію, какъ имъ кажется нелѣпымъ четвертое измѣреніе на томъ только основаніи, что чувства знаютъ и разсудокъ на основаніи ихъ можетъ мыслить только три.

Итакъ, сомнительны полнота и совершенство знаній даже точныхъ, и притомъ по ограниченности самихъ познавательныхъ способностей между прочимъ. Что же сказать о теоретическихъ построеніяхъ, распоряжающихся цѣлою вселенной? Слѣпой кротъ, я знаю только то, что мнѣ дали знать, умственно только воображая себя самостоятельно мыслящимъ, когда на дѣлѣ разсуждаютъ во мнѣ, пользуясь логическимъ приборомъ, темныя, невѣдомо для меня вкравшіяся предрасположенія. Я всегда адвокатъ чужого дѣла, намѣренно, а иногда и умышленно тасующій карты опыта, въ отношеніи къ чему самый міръ и сама жизнь, сама истина равно-

душны. Раціоналистическая точка зрѣнія не есть единственная, съ которой можно обсуждать предметы.

„Предразсудокъ есть невѣжество и слѣпота, есть косность ума“: такъ судитъ раціоналистъ и справедливъ съ своей точки. Но тотъ же предразсудокъ есть смиреніе и любовь: посмотрите на него отсюда, не будетъ ни мрака, ни отчаянія, ни застоя. Сказавшій о себѣ, что онъ знаетъ лишь то, что ничего не знаетъ, былъ мудрецъ не потому только, что назывался Сократомъ. Я немного перефразирую его слова и утверждаю, что каждый личный разумъ знаетъ только то, что ему дано знать, и мыслитъ не по логическимъ основаніямъ, а по сердечнымъ побужденіямъ и темнымъ предрасположеніямъ. Въ стремленіи къ истинѣ остается реальной истины, при этомъ условіи, только самый порывъ, а плодъ его, размышленія и выводы даютъ ручательство за достовѣрность познаннаго по мѣрѣ чистоты побужденій. Опять сошлюсь на древняго мудреца, давшаго философіи ея имя, и утверждаю, что взаимная связь любви и мудрости, предполагаемыхъ въ философіи („любомудріи“), стоитъ на обратномъ отношеніи, нежели большинство полагаетъ: не мудрость

есть начало любви, а любовь—начало мудрости; не разумъ есть законодатель сердца, а сердце даетъ разумъ; практическую философію я становлю впереди умозрительной и послѣднюю въ зависимости отъ первой.

Вы не потребуете отъ меня, чтобы я раскрывалъ далѣе, не скажу эту мысль, а этотъ намекъ. Ограничусь тѣмъ, что указываемымъ мною началомъ истина мысли и жизни болѣе застрахована, нежели логическимъ умствованіемъ, и въ частности дается надежное основаніе къ рѣшенію и вопроса о томъ или другомъ предразсудкѣ: оставаться ли при немъ или бросить его и даже бороться противъ него? Нигилистъ бросаетъ за бортъ Бога, семью и общество: что говоритъ въ немъ? Минуемъ умствованія; они призрачны; но какое побужденіе? Одушевлена ли новая вѣра сознаніемъ личной ограниченности, а по отношенію къ братьямъ истекаетъ ли изъ чувства, подсказавшаго нѣкогда сожигаемому на кострѣ восклицаніе: sancta simplicitas! (святая простота!) пусть, говорятъ, и не подлинно историческое, тѣмъ не менѣе глубокое? Нѣтъ, наоборотъ, все движеніе возбуждено озлобленною волею, а весь его засмный катихизисъ создалъ чревоугодіемъ. Я по крайней мѣрѣ такъ себѣ

объясняю. Матеріальные интересы выше всего: надобно ихъ осмыслить, и нашлась услужливая философія, которая всему и начало и конецъ полагаетъ въ желудкѣ; остальныя науки потянулись туда же.

Этотъ выводъ не сейчасъ мною найденъ. Онъ есть плодъ изученія вѣрованій человѣчества, смыслъ которыхъ пришлось мнѣ раскрывать съ каѳедры, послѣ того какъ желтѣлъ я и сохъ надъ раціоналистическимъ движеніемъ и Гегелевою логикою, этимъ, по мѣткому выраженію покойнаго А. С. Хомякова, возомъ пустыхъ орѣховъ, которые пришлось расщелкать. Позволяю себѣ изъ магазина памяти извлечь два образа, которыми обыкновенно заключалъ я діалектическое изложеніе путей религіознаго сознанія (личнаго и историческаго) въ человѣчествѣ. Два извѣстныхъ дѣятеля въ разные періоды исторіи, отличившіеся въ разныхъ сферахъ дѣятельности, произнесли предъ смертію по изреченію.

Dilexi justitiam, odi iniquitatem, propterea morior in exilio (я возлюбилъ правду, ненавижу безаконіе, потому умираю въ изгнаніи): таковы были на смертномъ одрѣ слова Григорія VII Гильдебранда, въ которомъ сосредоточнѣе и послѣдовательнѣе, нежели во всѣхъ предшествен-

никахъ и преемникахъ, воплотилось папское начало.

Черезъ семь столѣтій послѣ того энциклопедистъ и атеистъ Пететенъ (Petetin) умиралъ съ слѣдующимъ признаніемъ: Nudus veni, dubius vixi, quo vadam nescio. Ens Entium miserere mei. (Нагъ пришелъ, въ сомнѣніи жилъ, куда пойду не знаю. Существо Существъ, помилуй меня).

Кто изъ нихъ ближе къ истинѣ? Гордая самонадѣянность папы, увѣреннаго въ непогрѣшимости и на этомъ основаніи присвоившаго власть сокрушать царства и господствовать надъ міромъ матеріально и духовно? Или смиренномудріе атеиста, остающагося въ сомнѣніи по отрицаніи обиходныхъ вѣрованій, увѣреннаго лишь въ безпомощности, напоминаемой ему наготою, въ которой родился, и темью, въ которую вступаетъ?—Оба ушли отъ берега. Одинъ, если и обрѣлъ истину, то, утративъ ее, впалъ въ заблужденіе, и притомъ безвозвратно, своею самоувѣренностію; другой осудилъ себя на безконечное сомнѣніе, оторвавшись отъ общаго вѣрованія и тѣмъ выпустивъ изъ-подъ ногъ почву. Въ преданіи—опора, въ сомнѣніи—условіе преуспѣянія, самоотрѣшеніе—охрана отъ заблужде-

нія, любовь—ручательство разумности, въ ней же и свобода.

Нигилистъ совмѣщаетъ обѣ крайности недостатковъ и ни одного изъ достоинствъ. Онъ есть Григорій VII, вывороченный на изнанку, и—Пететенъ безъ его колебаній; атеистъ съ непогрѣшимостью папы, отрицатель и разрушитель съ самонадѣянною увѣренностью обладателя истины и раздаятеля благъ. А мнимо пріобрѣтенная истина есть сборъ произвольныхъ положеній, кражею присвоенныхъ, которыя не предразсудки только потому, что имѣютъ видъ новости. Обѣщаемое же благо есть страданіе милліоновъ, которые однако еще не заблуждаются, отъ того что дѣлятъ съ другими мнѣнія и привычки, частію сочувствуя имъ, частію снисходя, и которые относительно довольны, хотя сознаютъ окружающую несправедливость и тяготятся суровостью судьбы. Однако бываетъ, что и лишенія доставляютъ свою долю наслажденій. Ты кто же, чтобы мнѣ мѣшать наслаждаться, какъ я знаю, жить хотя бы по предразсудку и умствовать на почвѣ предразсудковъ, но такъ, какъ мнѣ наравнѣ со всѣми любо?